

1934

АЛ БЕН.

Разрешите уйти

Когда заседание месткома перешло к вопросу «о состоянии работы Центрального дома художественного воспитания в Узбекистане», директор грустно вздохнул и, улыбаясь, видимо из приличия и так, как это допускает его ответственная должность, обратился к председателю:

— Разрешите уйти.

Ну, да можно ли задерживать директора, когда он так грустно вздыхает и так снисходительно улыбается?

— Боже мой, его нужно сейчас же отпустить, да что отпустить, нужно постучать карандашом по столу и, призвав выступающего товарища к порядку, объявить:

— Товарищ Бузруков — очень занятый, и ему нужно туда же куда-то...

Да при том не может быть сомнения, что у него экстренное дело, ведь директор. Никто не смеет возразить. Директор берет под мышку толстый портфель, в котором чего только нет — и бумаги, и дела и проч. и проч., и надев набекрень фетровую шляпу, как это и подобает директору артистического предприятия и, кивнув слегка головой удаляется с заседания месткома на котором сейчас будут обсуждать вопрос о состоянии Дома художественного воспитания детей.

И, конечно, когда дверь скрытливо закрывается, и директорские шаги тонут в дали коридора, председатель обычно начинает волноваться и кричать:

— Ушел, опять ушел. Товарищи, подумайте сами, ведь о нем же вопрос стоит. Ведь развал работы, спектакли ставить не можем. Самоуправка с работниками и прочее... остановить, догнать!

Да, но... Какая-то десятая клепка из такой грандиозной машины, как ЦДХВД, может ли она подействовать на торжественную личность директора, смеет ли кто-нибудь посягнуть на его деловое время? Цыц... Вопрос исчерпан, заседание продолжается.

И что ж мы видим, бузучи на этом заседании? Оказывается, что под улыбающейся маской директора запрятан безалаберщина в работе Театра юного зрителя. Запратался секрет глупейшей и безрезультатной толкучки на месте дела художественного воспитания детей.

За последнее время работники Театра юного зрителя усиленно осаждают кабинет редакции и просят дать место для напечатания различных разостных сообщений, в результате того, что сегодня-завтра мы вам покажем великолепный спектакль, пречудесный спектакль, но у нас нет помещения, у нас нет гвоздей, у нас нет костюмов, у нас нет людей.

Ну-с, положим, что нам покажут великолепный спектакль. Допустим, пусть это будет что-то особенное, и детишки захлопают в ладоши и будут улыбаться, как улыбается сам директор. Но зачем же после разостных сообщений говорить НО. Почему у нас нет гвоздей и не готово оформление, почему нет костюмов, почему вообще бесконечное НО...

Да потому, что т. Бузруков выпит, видите ли из виду, что театр нужно обеспечить помещением, заключить хотя бы договор на аренду, да такой договор, после которого на другой день зрители не начнут выгонять хозяев из помещения. Тов. Бузруков, видите ли, выпит из виду, что актерский состав нужно комплектовать не зимой, не во время сезона, а за три месяца вперед.

Ведь людей, товарищи, разогнали, откровенно говоря, разогнали. В результате сезон пришлось начинать с несколькими людьми. Должного количества актеров не было. Люди готовятся к сезону. Бузруков наболтал. Теперь он, видя такое веселое положение, набирает людей чуть ли не с улицы. Он, не согласовывая вопроса с режиссерами и художественным руководителем, отдает приказы налево и направо и принятию актрис и актеров, которые не подходят и не нужны сейчас составу по своим качествам и особенно в детском театре. Например, он принимает Ахунди, прогульщика, выгнанного из театра, Канджаша, дезертира производства и ряд других.

В результате вместо нужных людей — кредитный балласт. Люди получают деньги и ничего не делают.

Еще о людях. Не ко всем работникам Бузруков относится одинаково. Безо всякого основания увольняет ценнейшего специалиста педагога-методиста Валовскую. На это нет оснований.

Это подтвердили местком, три угольник.

То же самое случилось и с режиссером, старым специалистом, полужившим массу сил на организацию Театра юного зрителя.

Теперь о хозяйственности Бузрукова.

Сезон нужно было начать месяц назад. Но нет гвоздей, нет досок, а спектакль готов. Это безалаберщина. Ведь мог же сейчас новый зам. директора найти вагон леса, гвозди и т. д. Почему он не позаботился об этом раньше? Это, наверное, тоже выпит из виду улыбающийся директор с фетровой шляпой на затылке. И не потому ли 5 театральные единицы ЦДХВД не могут работать как следует.

Видно, поэтому Бузруков уже третий раз просит позволения уйти с заседания месткома, когда вопрос поднимается о его работе.

Да, он грустно вздыхает и, улыбаясь из приличия, как этого допускает его ответственная должность, просит председателя:

— Разрешите уйти.

Нельзя ли сделать как-нибудь так, чтобы разрешение на уход санкционировали вышестоящие организации?

АЛ БЕН.